

Пухляш опустил голову и посмотрел на лепешку в своих руках, разглядывая следы зубов на откусанном крае. Пока он смотрел, ему вдруг неожиданно прилетел легкий шлепок по затылку.

— Шестой, отбирать еду изо рта у других — кто учил тебя таким манерам?

Как только Шэн Яо заговорил, все дети тут же перевели взгляды на него.

— Старший брат, второй брат, — вежливо поздоровалась Шэн Сюэ с Шэн Яо, затем подмигнула своему старшему брату, Шэн Янью, и увела его подальше от толпы.

— Первый старший двоюродный брат! Второй старший двоюродный брат! — это уже загомонили остальные дети.

Пухляша звали Шэн Чан, среди внуков семьи Шэн он был шестым. Он тут же обернулся к Шэн Яо. На его пухлом личике смешались смущение от того, что его отчитывает старший, и радостная улыбка от встречи с Шэн Яо.

— Первый старший брат!

Он очень любил своего старшего двоюродного брата. Тот был красив, хорошо учился, а взрослые часто говорили, что у него светлая голова. Иногда, когда его обижали соседские ребята, старший брат брал его за руку и вел обратно, позволяя прикрываться своим авторитетом.

Вместе с остальными детьми свой взгляд перевел и малыш-фасолинка. Задрал свою голову, он смотрел на Шэн Яо. Его нижняя губа всё ещё обиженно подрагивала, а слезы, скопившиеся в глазах, наконец скатились по уголкам и скрылись у висков.

Шэн Яо был высоким и статным. Стоя прямо, как струна, он лишь опустил глаза на своего шестого двоюродного брата, напустив на себя весьма строгий вид.

Черты его лица были яркими, словно прописанными густой тушью, а внешность — поразительно красивой. К тому же, он родился старшим внуком в семье Шэн, и в этом большом дворе все — от старой госпожи Шэн на самом верху до четвертого дядюшки внизу — растили его в любви и баловали. Поэтому между его бровей затаилась едва уловимая тень надменности и своеволия.

Пухляш Шэн Чан попытался скрыть легкое смущение за глуповатой улыбкой, но, заметив, как дрогнули уголки губ старшего брата, широко растянул рот в улыбке и поднял свои пухлые ручки:

— Первый старший брат, лепеська!

Шэн Яо тихо хмыкнул, не поддаваясь на его уловки:

— В этом году ты зря ходил в частную школу. Верни лепешку.

Еще до того, как переступить порог дома, он услышал через стену слова Шэн Сюэ. К тому же он был уже не маленьким и не настолько глупым, чтобы решить, будто этот хнычущий, тощий и крошечный чумазый ребенок смог перелезть через их высокую ограду только ради того, чтобы украсть лепешку, а потом еще и усесться у дверей, чтобы открыто её съесть. Не нужно было даже думать, чтобы понять: её дал кто-то из взрослых в семье.

Всего лишь пшеничная лепешка — в семье Шэн в этом точно не было недостатка. Он подошел лишь потому, что хотел проучить этого шестого двоюродного брата, который с детства был к нему так привязан. Ему уже шесть лет, пора бы знать о правилах приличия, справедливости и чести.

С извиняющейся улыбкой на лице пухляш послушно повернулся и сунул лепешку обратно в руки малыша-фасолинки. Увидев выражение лица малыша, он тут же нашел, как перевести неловкую тему.

— Первый старший брат, смотри, собачка писает!

Взрослые, дразня детей, часто приговаривали: «То плачет, то смеется — как собачка писает», и он нахватался от них.

Шэн Яо цокнул языком, нахмурился и с нескрываемым раздражением легонько пнул шестого двоюродного брата по попке, поучая:

— Не изучив правил приличия, не сможешь утвердиться в обществе.

В свои шесть лет он уже выучил эту цитату из изречений Конфуция от своего учителя.

Получив пинок, пухляш ни капельки не рассердился, а наоборот, вцепился в подол одежды Шэн Яо и, прижавшись своим пухлым тельцем к его ноге, заискивающе улыбнулся.

Шэн Яо знал, что его шестой брат, хоть и мал, а уже имеет чувство собственного достоинства. Он потянулся и вытащил пухляша из толпы — на людях всё же нужно было сохранить этому маленькому человечку лицо. Он отчитает его потом, наедине.

Что же касается этого чумазого ребенка, то до дел или людей, не имеющих к нему отношения, ему не было ни малейшего интереса, да и времени возиться с ними тоже.

Глядя вслед высокому юноше, который уводил за собой пухляша, малыш-фасолинка шмыгнул носом. Он тоже соскучился по своему родному брату. Особенно видя, как пухляша уводят за шкуру, а тот всё равно с улыбкой ластится, он подумал, что этот высокий парень наверняка очень любит своих младших братьев.

К тому же, только что этот высокий парень сказал «верни лепешку». Малыш-фасолинка, слишком рано потерявший родителей и натерпевшийся холодных взглядов от старшего брата и невестки, чутко уловил это слово. «Верни» — значит, лепешка принадлежит ему, и этот высокий парень подтвердил, что он не вор.

В своей чуткой маленькой головке малыш-фасолинка передумал многое и, наконец, благодаря одному только слову «верни» с облегчением выдохнул. Обиженные слезы высохли, и он лишь робко посмотрел своими огромными глазищами на оставшихся детей, пытаясь угадать выражение их лиц.

Но дети больше не обращали на него внимания и гурьбой бросились вдогонку за старшим двоюродным братом.

Теперь малыш-фасолинка окончательно расслабился. Стерев следы от слез, он продолжил крошечными кусочками грызть лепешку, а его босые ножки, свисавшие со ступенек, беззаботно болтали в воздухе.

Изголодавшийся малыш-фасолинка, не имея даже глотка воды, проглотил целиком лепешку, которая была почти размером с его лицо. Доев, он почувствовал сильную сухость во рту. Подвинув свою маленькую попку, он сполз со ступенек, встал на ноги, обернулся и посмотрел на настежь открытые двери кухни, но так и не осмелился войти внутрь.

Лучше он подождет ту добрую тетушку.

Малыш-фасолинка послушно стоял у дверей кухни, словно наказанный, вперив свои большие блестящие черные глаза в ту сторону, куда ушла тетушка, и в конце концов дождался человека, который им займется.

Мать велела Шэн Сюэ отвести малыша помыться, поэтому она перекинула через руку одежду, в которую его нужно было переодеть, несла в руках деревянную лохань, на которой лежала белая хлопковая ткань, и издалека крикнула ему:

— Иди сюда, быстрее! Чуть позже, как солнце сядет, холодной водой уже не помоешься.

Малыш поспешно зашлепал босыми ножками по желтой земле, послушно взял деревянную лохань из рук Шэн Сюэ и поплелся следом за ней. В его маленькой головке всё это время вертелся вопрос: стоит ли называть ее «сестрой»? Он боялся, что если назовет, она может рассердиться.

Он был так погружен в свои мысли, что даже не заметил доносившихся звуков ссоры.

Однако как раз в тот момент, когда он набрался смелости, чтобы позвать её, Шэн Сюэ опередила его.

— Тс-с!

Малыш-фасолинка тут же замолчал, а затем был вынужден последовать за этой сестрой и... подслушивать под окном.

Шэн Сюэ дернула малыша-фасолинку к себе, спрятав за спиной, чтобы не путался под ногами, а сама, затаив дыхание, прижалась ухом к деревянному окну главной комнаты.

В комнате Шэн Яо протяжно выдохнул и холодно усмехнулся:

— Предлог? А через несколько лет под каким благовидным предлогом отец планирует расторгнуть мою помолвку с этим маленьким нищим?

Отчитав Шестого, он вернулся, чтобы поприветствовать отца. Не успел он сесть, как отец сообщил ему, что тот чумазый ребенок, который ел лепешку, — это воспитанник-фулан, которого привела для него Фан Хэ. Что это всего лишь предлог, чтобы его младший брат Шэн Янь не прослыл непочтительным к старшим и мог на законных основаниях сговориться о браке с дочерью из вышивальной мастерской семьи Дун.

В этот момент Шэн Шаоюань чувствовал свою вину перед старшим сыном, поэтому не стал цепляться к саркастической усмешке Шэн Яо. Вместо этого он смягчил тон и примирительно сказал:

— Об этом тебе беспокоиться не нужно. Ты должен читать книги — так читай, должен стараться — так старайся, готовься как следует к уездным экзаменам в конце года.

Шэн Яо холодным взглядом посмотрел на опустившую голову Фан Хэ, всем своим видом показывающую «я слабая и во всем слушаюсь мужа».

Он и подумать не мог, что эта мачеха, которая всегда относилась к нему ни тепло ни холодно, не обделяя его, но и не стремясь играть в «любящую мать и почтительного сына», вмешается в дело всей его жизни, да еще и сосватает ему маленького нищего.

Его родная мать подорвала здоровье при родах, поэтому он лишился матери, когда ему едва исполнился месяц. Госпожа Фан вошла в дом по воле бабушки, чтобы ухаживать за ним, пока он был младенцем.

Как только госпожа Фан переступила порог, старая госпожа Шэн, жалея молодоженов, не стала возвращать Шэн Яо им. Через три месяца, когда она собиралась передать ребенка молодой чете, выяснилось, что госпожа Фан в положении. Поэтому Шэн Яо с самого рождения так и жил во дворе своей бабушки.

В результате у него так и не было времени выстроить сыновние чувства к Фан Хэ, и также, он отдалился и от отца, у которого появился новый сын.

А эти слова отца ясно давали понять, что он совершенно не думал о будущем Шэн Яо. Сердце Шэн Яо защемило от обиды. Этот четырнадцатилетний юноша заикнулся на отношении отца, поэтому вцепился в этот вопрос мертвой хваткой, требуя ответа.

Шэн Шаоюань не выдержал упрямого взгляда старшего сына и с более мягким выражением лица сказал:

— Когда придет время, мы отошлем этого маленького нищего и скажем, что он сбежал с кем-то...

Шэн Яо протянул «О-о» и бесстрастно произнес:

— Вырос под надзором семьи Шэн, а оказался человеком дурного нрава, опозорил честь нашей семьи. Младшим братьям и сестрам теперь тоже не видать хороших браков.

— Так не пойдет! — яростно вытаращил глаза Шэн Шаоюань. О таких последствиях, о которых сказал сын, он действительно не подумал. О таких серьезных последствиях, вплоть до того, что будет запятнано доброе имя всей семьи Шэн.

Фан Хэ тоже подняла голову и, вторя мужу, предложила свой вариант:

— Тогда можно будет сказать, что Яо-эр и девушка из другой семьи полюбили друг друга...

Фан Хэ рассуждала так: как говорится, «любящие сердца в конце концов соединяются». Если пасынок первым проявит интерес к другой, то ей, как мачехе, не останется ничего другого, кроме как пожертвовать своим лицом и лично разорвать помолвку с воспитанником-мужем ради счастья пасынка.

Госпожа Фан забеременела сразу после того, как вошла в дом, поэтому у нее, естественно, не было времени строить материнские отношения с Шэн Яо. К тому же, Шэн Яо баловала бабушка со стороны отца, а также несколько младших дядей и их жен, которые тоже души не чаяли в лишенном матери ребенке. Чего бы ни не хватало этому пасынку, до нее, мачехи, очередь позаботиться об этом все равно бы не дошла.

Поэтому Фан Хэ относилась к пасынку ни тепло ни холодно, хотя, конечно, и не обделяла его, ведь до сих пор их интересы не пересекались. Именно из-за этого она ни на секунду не поставила себя на место пасынка в деле с «воспитанником-мужем».

И вот теперь пасынок поставил её в безвыходное положение..

— Хм, — кивнул Шэн Яо. — Честь семьи Шэн будет спасена, и только я, Шэн Яо, окажусь человеком неблагодарным и бессердечным.

Как только Шэн Шаоюань услышал, что этот план жены выставит его старшего сына «бесчестным», он тут же отверг эту идею.

— Не годится, это же испортит репутацию моего сына!

Получив поддержку отца, Шэн Яо немного потеплел душой, но в силу молодой горячности слова сами сорвались с языка:

— Тогда просто выдадим этого маленького нищего замуж за кого-нибудь другого. А когда люди скажут, что мы побрезговали его происхождением и променяли бедняка на богача, это все равно будет лучше, чем прослыть жестокими и бесчестными.

— Да как! Как же так можно? — Шэн Шаоюань и в подметки не годился в споре своему сыну, который учился и поступил в уездную академию.

На этот раз на губах Шэн Яо заиграла победная улыбка. Глядя на Фан Хэ, он бесстрастно произнес:

— Все варианты не годятся. Тогда зачем вы взяли и привели человека в дом? Разве вы не обдумали все эти последствия для меня, когда приводили его?

Раньше он, хоть и не питал к Фан Хэ сыновней любви, но уважал её как старшую. И хотя до этого она относилась к нему равнодушно, но по крайней мере не использовала его в своих интригах. Такое случилось впервые, и этот первый раз сразу же коснулся его брака, его дальнейшей жизни.

Подобрать на обочине маленького нищего, чтобы таким образом определить всю оставшуюся жизнь Шэн Яо — как она только посмела?

Ему было всего четырнадцать. Если он пойдет на уступки сейчас, то когда вырастет и решит предъявить претензии Фан Хэ, он в любом случае окажется непочтительным пасынком, мелочным мужчиной, готовым свести счеты с женщиной.

Пригласить божество легко, а вот выпроводить — трудно. Расторжение помолвки в той или иной степени разрушит либо его репутацию, либо репутацию этого маленького нищего. Тот человек ни в чем не виноват, да и ему самому лишние беды ни к чему. Зачем так усложнять?

Выслушав всё это, Фан Хэ опустила голову и беззвучно прикусила язык. Она поняла, что пасынок просто ищет повод к ней придраться. Она не была ученой и не была скована теми рамками репутации, которые были обязательны для ученых династии Великой Цин, поэтому ей было этого не понять.

— Это я, как мать, не до конца всё продумала. Твой отец прав, я слишком поспешила ради Янь-эра... — На этих словах Фан Хэ всхлипнула. — Но сказать, что я не думаю о тебе — это совсем

не так...

Она опустила голову, вытирая слезы, и продолжила:

— Янь-эр — твой родной младший брат. Я думала, ты сможешь войти в положение. Ты человек ученый, знаешь много, и как в будущем взвесить все за и против — наверняка тоже понимаешь. Если ты держишь на меня обиду, значит, я, как мачеха, заслужила это.

Шэн Шаоюань не мог смотреть, как плачет его жена. К тому же Янь-эр вырос у него на глазах, и, говоря о Янь-эре, он не мог не поддаться этой логике: старший сын ведет себя слишком неразумно, не желая войти в положение младших братьев и сестер.

До тех пор, пока что-то еще не произошло, в глазах Шэн Шаоюаня это не казалось серьезной проблемой.

<http://bllate.org/book/20787/2087687>